

Мария Арбатова - драматург, автор четырнадцати пьес. Мама двух двадцатилетних близнецов, оба студенты и музыканты: Петр - ударник в московской рок-группе, а Павел - басист. И только потом уже соведущая популярного телевизионного ток-шоу "Я сама". Она не принимает всерьез свой телевизионный образ, считая, что основная профессия - все же подглядывать за миром, а не выставлять себя напоказ. С этой недели Мария Арбатова начинает вести женский отдел в одной из московских газет.

Аргументы и факты - 1997 - авг. (№33) - с. 16

Мария Арбатова

поставила на «третью власть»

СЕЙЧАС я нахожусь в состоянии разрыва между драматургией и прозой. Но это совершенно сознательно. Я только что закончила роман "Визит нестарой дамы" про то, как мое поколение прошло мясорубку перестройки, миграции и проч. В издательстве "Альма-матер" в сентябре выходит книга моей прозы "Меня зовут женщина". Однако это не мешает моим пьесам "жить своей жизнью". Группа под руководством Антонины Дружининой, например, делает проект по последней из них - "Взятие Бастилии". В центре - судьбы двух друзей-диссидентов, один из которых когда-то "заложил"

женщин" и "Права детей" предвыборной программы Бориса Ельцина. И когда я вошла, увидела все цифры, а не только те, которыми жонглирует пресса, разобралась, "кто кому Вася" и как все механизмы работают, впала в депрессию оттого, что почти до сорока лет жила дура душой, да еще это громко озвучивала. Основная проблема интеллигентской среды - кризис сознания. Это бесконечный крик о безденежье... - и страх сделать что-то серьезное и соответствующее современной жизни. У нас, например, два детских дома до сих пор находятся на зараженной Чернобылем территории, а мои кол-

потом сказали: "Это невероятно, что ваши правозащитники публично оскорбляют женскую половину населения". Статьи, у нас в палате по правам человека нет ни одной феминистки, и это в конце XX века.

- Может быть, вы попали в группу экспертов по протекции мужа - правительственного чиновника Олега Вите?

- Я человек до отвратительного прямой и всегда говорила о том, что в группу экспертов попала через постель мужа. Но с собственным мужем работать - это пытка, никому не пожелаю. Он в лупу искал мои проколы, у него на каждый мой абзац была своя песня, мы так ругались, что чуть не развелись.

- Нравится ли вашим сыновьям то, что вы делаете?

- Они у меня очень умные молодые люди, и даже если что-то им и не нравится, никогда не будут вмешиваться в мою жизнь. Что же касается быта, то и с ними я борюсь за права человека. Только уже за свои собственные. Они заключаются в том, что если доля моего участия в быте семьи выше доли других обитателей квартиры, то мои права человека будут нарушены. Это же самое я пытаюсь объяснить миллионам женщин с экрана телевизора: нельзя, чтобы слова сильно отличались от реального положения вещей. Потому что тогда ничего не получится. Я не смогла бы так легко давать советы в "Я сама", если бы моя повседневная жизнь сильно отличалась от той, за которую я ратую.

- Но ваши слова иногда звучат как приговор...

- Часто ножницы монтажа делают из меня агрессивную дуру, ведь из нескольких часов съемки получается тридцатиминутная передача, телезрителю не всегда понятно, против чего я митингую. Получается душераздирающее зрелище - злобная феминистка клюет пеньюль за пеньюль. На самом деле я - "белая и пушистая".

- А не надоело ли вам всем все объяснять, может, проще написать книгу про...

- Этим, можно сказать, сейчас и занимаюсь. Издательство "Захаров" из "Вагриус" предложило мне написать роман о собственной жизни в серии "Мой XX век". До сих пор не могу привыкнуть к этой мысли. Вероятно, человечеству интересно, с чего вдруг женщина моего типа стала феминисткой... Знаете, "Я сама" меня еще потрясает вот чем. Раньше я декларировала то же самое, но мне вменяли в вину, что я могу только всех запугивать, и пугали тем, что карьеры у меня не будет и вообще ничего не будет. Теперь я этим же самым занимаюсь с экраном ТВ, меня не считают мужененавистницей и экстремисткой, да еще платят за это деньги. Идиотское положение для думающего человека, но судьба такая, что поделаешь...

Екатерина БЫЧКОВА

Фото Виктора Горячева

другого, и двух их женщин - феминисток, русской и французки. Понятно, что от такого набора наша театральная общественность становится на дыбы, у нас ведь последние годы культивируется "театр для слабоумных". Поэтому пьесу перевели на немецкий и ставят в Германии.

- Говорят, что в последнее время вы популярны у театральной общественности не по причине своего творчества...

- Да. Я подала в суд на 10 российских театров по поводу бездоговорного использования моих пьес. И один уже выиграла. У Тобольского театра драмы. Меня поразило, что адвокат Российского авторского общества долго переспрашивала, пойду ли я до конца процесса, не сломаюсь ли по ходу от взятки, как мои предшественники. Но для того, чтобы гражданское общество могло существовать, мы должны учиться пользоваться его механизмами, и суд, как известно, - "третья власть".

- Вы попали в официальную политику, хотя всегда декларировали себя представительницей андеграунда.

- Для меня это было большой психологической ломкой. Как некий русский интеллигент, я считала, что мне с платёжью сотрудничать "западно". А тут, с одной стороны, - ужас прихода коммунистов, с другой, - возможность написать адекватный текст по правам человека. Меня ведь позвали разрабатывать статьи "Права

леги по Союзу писателей все еще воюют за халявные дачи в Переделкино. И все время ныть, что Ленинскую библиотеку не на что ремонтировать. А в ней, между прочим, лежит Библия Гутенберга. Было две, первую продали - построили ГРЭС. А на этой Библии сидим, пыжимся: что же это за страна без такой понтовой книжки, пусть лучше у нас дети облучаются, старики голодают, заключенные в камерах спят стоя. И так во всем.

- Странно, что в экспертный совет пригласили не юриста, а писателя...

- Если бы я тогда не подвелась, то права женщин и детей даже не были бы разделены на две статьи. Они бы так и выглядели, как в совке, "Мать и дитя" в одном флаконе. Строго говоря, над этими разделами должны трудиться специалисты по правам человека, но наши сегодняшние специалисты по правам человека - это генералы от диссидентства, и их гуманитарный стандарт безнадежно устарел на фоне реальности. Дело доходит до скандалов. Сергей Ковалев на приеме в финском посольстве заявил с высокой трибуны, что женщину в политике можно охарактеризовать русской поговоркой "Заставь дурака Богу молиться - он сам лопнет". Финны, конечно, были в шоке. У них из одиннадцати министров кабинета семь - женщины. В том числе министр обороны. Они